

ВМЕСТЕ

Пыхтина Дарина

6+

Дарина Викторовна Пыхтина

ВМЕСТЕ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=59302684

SelfPub; 2020

Аннотация

Далекий 1942 год... Но юным поисковцам он открывается как «вчера» с жуткими подробностями ... На каникулах отряд мальчишек выдвигается в лес у горы Гейман, где проходили кровопролитные бои за освобождение Северного Кавказа. Сашка находит дневник, где неизвестный солдат описывает военную действительность. Рукописные странички показывают лишь несколько дней из жизни бойца, но перед глазами всплывают тысяча смертей, мучений, наворачиваются «мужские» слезы. Война не выбирает жертв по национальности, религии, она беспощадна ко всем без предрассудков. Поэтому и Родину защищают все ВМЕСТЕ даже ценой собственной жизни.

Многоплеменная великая семья!

В едином строе бытия

Она слилась в одно и кровно, и духовно...

Д.Бедный

На летних каникулах мы с Сашкой решили организовать поисковый отряд. Разработав с Сашкиным папой план похода, предложили одноклассникам присоединиться к нам. Узнали у старожилов и учителей истории, что надо идти в лес, который находился недалеко от нас возле горы Гейман. Обратившись в архив, мы узнали, что здесь проходили «ожесточенные бои по захвату Кавказа и выходу к прибрежным районам». Командование Германии «возложило ответственность на специальную группу армий «А» за проведение этой операции». Среди этих документов мы нашли карту 1943 года, на которой были схематично обозначены все боевые действия, проходившие в нашем районе.

Мы выдвинулись рано утром, шли по направлению к лесной дороге, где, судя по карте, шли самые долгие и кровопролитные бои. Вошли в лес, когда солнечные лучи наконец-то начали дарить тепло. Чистое синее небо отражалось в капельках росы. Дул приятный летний ветерок. Было спо-

койно и тихо...

Но рассматривать красоту природы было некогда, нужно было тщательно обыскать выбранный нами участок. Мы распределились по всему периметру. Я искал среди сплетенных корней многовековых дубов и сосен, а Саша спустился в небольшой овраг. Не прошло и минуты, как он закричал:

– Миша-а-а! Ребята! Посмотрите, что я нашел.

Мы, заинтригованные Сашкиным восклицанием, спустились к нему. Я немного разочаровался, обнаружив, что Сашка держит в руках ничем не примечательный темно-коричневый сверток. Развернув его, мы увидели пожелтевшие страницы тетради со светлыми рукописными записями, сделанными карандашом. Это оказался дневник, обернутый грубой

тканью и с одной стороны пропитанный чем-то багровым, похожим на запёкшуюся кровь. В этом месте были испачканы и страницы, особенно первая, но все-таки нам удалось прочитать запись...

28 сентября 1942 года.

Из 2-ого взвода учебного батальона в живых осталось шестеро – я, Саша, Зураб, Надар, Самед, Тарас...

– Смотри, Сашка тут и про твоего тезку будет написано.

– Неужели мы нашли настоящий дневник времен Великой Отечественной войны?

Больше мы ничего не смогли разобрать из-за багрового пятна. Запись продолжилась на следующей странице, и мы поняли, что солдат описывает события этого же дня.

...Около полудня мы зашли в лес, холодный, сырой и мертвый. Стояла непередаваемая, странная и одновременно пугающая тишина. Птиц не было слышно, казалось, они улетели или даже вымерли. Деревья стали бездушными, их сучки и листья больше не разговаривали, не перешептывались, а скорбили... Осенние цветы склонили голову под тяжестью росы, солнце в этом году грело слабо, а сейчас и вовсе пере-

стало. Было холодно и противно... Мы продвигались вглубь леса и будто бы из уважения к нему соблюдали эту тишину. Шли машинально, иногда засыпая на ходу, в голове звучали набатом, не давая упасть, известные всем слова: «Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами».

Шли долго, шаги были глухими, и только лишь биение о мое плечо саперной лопатки тихим эхом отдавалось где-то вдалеке глухой болью. Но разве сравнится эта боль с душевной, с той, что чувствовало сердце. Его разрывало от тоски и печали, оно ныло от несправедливости, а где-то в горле жгуче пульсировало от желания зарыдать. А когда-то я полагал, что моё сердце черствое и пустое, неспособное ни к любви, ни к дружбе. Но разве может каменное сердце так болеть? Мы все испытывали похожие переживания. И я, чтобы разрядить обстановку, спросил: «Чувствуете, чем пахнет?» Голос прозвучал звонко и, казалось, весело, но он лишь прикрывал душевную пустоту и не хотел показать скорбящей грусти. Но все уловили ее и еще больше склонили головы. Тяжело и грубо прозвучал ответ: «Кровью!» Я надеялся услышать «ландышами», но понимал, что это было бы враньем, и все это понимали... Гнетущая, ужасающая тишина.

Мы увидели поляну – ровную, без развороченной от об-

стрелов земли, без следов воронок и огня. Она выглядела уютной, теплой, обогретой солнечными лучами и даже чужой в этом мрачном лесу.

Как бы нам хотелось сейчас развести костер и поваляться на траве в лучах осеннего солнца, но мы знали – нельзя. На поляне мы, как утка с поломанным крылом, как подбитый заяц, слишком легкая добыча. Вражеский самолет очень быстро заметит нас на открытой местности, поэтому мы спустились в овраг, прикрытый упавшими то ли от старости, то ли от снаряда двумя соснами.

Наконец, привал, наконец, можно покурить и вздремнуть. Только спать не могли, перед глазами проносилась вчерашняя картина...

Вчера у нас был целый взвод, целый батальон, учебный, так называемый последний резерв, брошенный в атаку в критический момент, когда немцы атаковали наши подразделения на горе Гейман и угрожали обойти их с фланга. Контратаки следовали одна за другой, без перерывов, без времени набраться сил. Гитлеровские войска пытались использовать любую возможность, чтобы прорваться между горой Гунай и Гейман. Силы были неравные... Из-за частых атак быст-

ро кончились патроны, мы шли в штыковой бой, зная, что обессилены, не сдавались, как говорил И. В. Сталин, отстаивали «каждую пядь Советской земли, двигались до последней капли крови». Наступление удалось приостановить. Стали считать погибших и раненых...

Ушли наши ребятки, последний раз взглянув на осеннее солнце... Каждого знали, каждый как брат был, несмотря на возраст и национальность, каждого после боя помянули и захоронение сделали общее, братское.

Нас же живых шестеро осталось. Сидели мы теперь вроде живые, а вроде и нет. Сидели и молчали, не могли слово сказать, больно было, боялись заплакать, а ведь считается, что мужчины не плачут, вот и молчали.

Смеркалось. Оттого, как часто росли сосны, казалось, не хватало воздуха и трудно было дышать. Я специально старался отвлечься от мысли, что это осколок в легком, и списывал все на сосны. У нас так повелось: не замечать физической боли, игнорировать её. И, знаете, получалось, а вот душевную – нет... Так и Сашка терпел, ему осколком руку зацепило. Она опухла и почернела, а он терпел, говорил: «Живой, и ладно».

А потом совсем ему плохо стало, поднялся жар, и трясти начало. Умирал Сашка... Как не хотел он умирать! Не потому что прощаться с жизнью не хотел или, мол, рано еще. Нет! Обидно было... Все ребятки в бою полегли, а он здесь, в овраге, обидно... Он мечтателем был, фантазировал, сочинял, настроение поднимал. Всегда считал, что настоящий боец должен в битве уйти, да не вышло...

Еще тяжелее стало... Не знали мы, как быть дальше. И словно не замечая, не вспоминая ничего, ни с того ни с сего заговорили о будущем – о веселом, светлом, без смертей и войны.

– Мужики, а чем займетесь, когда война закончится? – спросил я.

– Я домой поеду, маму увижу, – ответил Зураб.

– В Ереван?

-Нет, я из Аштарака, знаете, как там красиво, горы, тишина... Я вас всех приглашаю!

-Там и до Азербайджана недалеко,— вмешался Самед, — Я вам Баку покажу, чай азербайджанский, пахлава... приезжайте, не пожалеете!

– Не, ну если через Грузию, то тогда я буду очень рад, – радостно произнес Надар, – такие хинкали, как в Грузии, вы нигде не попробуете!

– А я вот никогда раньше не был на Кавказе, – с сожалением сказал Тарас.

– А ты сам откуда?

– Я из Харькова, сначала там служил, потом в Москву перебросили, ну а дальше – сюда...

– Так и оставайся у меня, когда все закончится, – предложил я. – потом в Армению поедем через Грузию и до Баку. А дальше все вместе в Харьков сало кушать!

– Не, мужики, мне сало нельзя!

Все громко засмеялись

– Все – таки хорошо, что между нами нет границ... – позже добавил я.

...На этом записи обрываются, а следующая начинается только через три дня. Позже мы с ребятами узнали, что с 28 по 30 сентября происходили частые и продолжительные бои, оставшиеся малочисленные дивизии пять раз переходили в штыковые контратаки, опрокидывая противника с господствующих высот. Но 30 сентября под воздействием превосходивших сил врага дивизия начала отход.

Запись написана очень непонятным и трудно читаемым почерком. Буквы перескакивали со строчки на строчку, со-
здалось ощущение, что рука у автора дрожала. Скорее всего,
он был ранен...

30 сентября

Жестокий бой... много смертей... Никого не осталось в
живых, ни Зураба, ни Надара, ни Самеда, ни Тараса. Не смог-
ли мы поехать все вместе в Армению через Грузию и до Баку,
потом в Харьков... Не смогли... Не дожили... Зато воевали
вместе, Родину защищали вместе и не делили ее на МОЮ и
ТВОЮ. Одну Родину защищали, ОБЩУЮ, и лежать теперь
будем вместе в одной земле, несмотря на национальности...

...Мы молчали, понимая, что эти неизвестные нам ге-
рои остались навеки здесь, под могучими соснами. А строй-
ные деревья гордо возвышались над нами, слегка покачивая
раскидистыми кронами и пропуская сквозь паутину листьев
солнечные лучи. Их тепло отражалось от крепких стволов,
от пахучих смолистых иголок и разливалось в воздухе. Было
спокойно и тихо...